

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 1(091)

Е.В. Борисов

О ТЕОРИИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ЭПИСТЕМОЛОГИИ
Д. ДЭВИДСОНА¹

Рассматриваются специфические особенности теории интерпретации и теории значения Д. Дэвидсона, лежащие в основе его оптимистической эпистемологической позиции относительно познания мира и относительно понимания другого. Показано, что исходные положения теории значения Дэвидсона задают унифицирующую направленность интерпретации, что делает возможным эпистемологический оптимизм, но вместе с тем ограничивает сферу применимости данной теории интерпретации.

Ключевые слова: Д. Дэвидсон, эпистемология, коммуникация, теория интерпретации, теория значения, пропозициональный язык.

Эпистемологическая позиция Д. Дэвидсона, базирующаяся на его теории интерпретации, отличается удивительной для второй половины XX века оптимистичностью, затрагивающей оба измерения знания: познание мира и понимание других. Дэвидсон полагает, что любой рациональный субъект имеет преимущественно истинные мнения о мире и по большей части адекватно понимает речь других. Это обусловлено природой мнения и коммуникации: как носители мнений и как участники коммуникации, мы «обречены» на эпистемический успех. Темой данной статьи являются основания эпистемологического оптимизма Дэвидсона, заключенные в его теории интерпретации и теории значения². На мой взгляд, главным из такого рода оснований является унифицирующий характер интерпретации, как ее описывает Дэвидсон; он состоит в том, что успешная интерпретация предполагает: 1) тождество основного корпуса знаний о мире, которыми располагают интерпретатор и говорящий; 2) эквивалентность (взаимную переводимость) их языков.

Определим основные понятия и эксплицируем основные тезисы теории интерпретации Дэвидсона, значимые для нашей темы.

1. В теории интерпретации Дэвидсона речь идет о *семантической интерпретации*, которая должна ответить на вопрос о значении того или иного выражения в интерпретируемой речи.

2. При этом значение определяется следующим образом:

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект 11-03-00039), РФФИ (проект 12-06-00078-а) и в рамках выполнения задания Минобрнауки РФ на проведение научных исследований (тематический план НИР Томского государственного университета, проект № 6.4832.2011).

² В контексте философии Дэвидсона теорию интерпретации (понимания другого в рамках коммуникации) и теорию значения можно рассматривать как единую комплексную теорию, поскольку главная задача теории значения состоит в том, что она должна обеспечивать понимание высказываний на соответствующем языке [1. С. 300].

– значение предложения — это его истинностные условия;
– значение имени понимается экстенционально (как отдельный объект или класс объектов) и определяется в ходе интерпретации по роли имени в определении значений предложений, в состав которых оно может входить. Соответственно, Дэвидсон принимает *принцип контекстуальности*, который ставит значение отдельного слова в зависимость от значений предложений, в состав которых оно входит или может входить¹.

3. Теория значения Дэвидсона представляет собой определенную версию *каузальной теории значения*: условия истинности некоторого предложения представляют собой причину его принятия говорящим [2. Р. 151]. По Дэвидсону, интерпретация имеет форму Т-предложений:

Высказывание говорящего X «Снег бел» истинно тогда и только тогда, когда снег бел.

В этом предложении тот факт, что снег бел, рассматривается не только как условие истинности предложения «снег бел», но и как причина выраженного в нем мнения. В этом пункте теория интерпретации Дэвидсона отличается от теории истины Тарского для формализованных языков: Дэвидсон модифицирует теорию Тарского, поскольку рассматривает условия истинности высказывания как причину выраженного в нем мнения. Таким образом, у Дэвидсона факты выполняют конститутивную семантическую роль, поскольку каузально определяют мнения, которые мы выражаем в речи.

4. Негативную сторону этого тезиса составляет критика абстрактного понятия языка, в котором *предопределенные* значения и композиционные правила (семантические и грамматические конвенции) рассматриваются как необходимое условие осмысленной речи. По Дэвидсону, мы можем понять говорящего, вопреки сколь угодно обширным различиям между его и нашим словоупотреблением и между его и нашими правилами образования сложных выражений из простых. (Этот тезис Дэвидсон иллюстрирует многократно и на многообразных примерах, таких как интерпретация малапропизмов, коммуникация между родителями и детьми, только начинающими осваивать язык, коммуникация между носителями разных языков и т.п.) *Конкретный язык* (конкретный идиолект) того или иного говорящего определяется каузальными связями между ним и окружающим миром – связями, которые являются предметом наблюдения со стороны интерпретатора.

Теперь мы можем зафиксировать главное основание эпистемологического оптимизма Дэвидсона в измерении познания мира (в субъект-объектном измерении): таковым является тезис о каузальной определенности значения. В самом деле, по Дэвидсону, наши высказывания (как правило) выражают истинные мнения, потому что значение наших слов конституируется действительными фактами, которые суть причины наших мнений. В этом смысле Дэвидсон говорит: «В природе мнения заключена тенденция к истине» (*Belief is in its nature veridical*) [2. Р. 146]. Этот аргумент в пользу оптимистической

¹ Строго говоря, именно предложение является, по Дэвидсону, предметом интерпретации и, соответственно, носителем значения. Такие понятия, как *слово*, *имя*, *референция имени* и т.п., он рассматривает как теоретические конструкции, подобные понятиям микрофизики: они используются для теоретического объяснения явлений макромира, но не имеют под собой независимой от теории эмпирической основы [1. С. 309].

эпистемологической позиции относительно познания объективного мира позволяет, далее, сформулировать возражение против эпистемологического скептицизма:

Агенту достаточно поразмыслить о природе мнения, чтобы обнаружить, что большая часть его базовых мнений истинна, и что наиболее вероятно истинность тех мнений, в которых он в наибольшей степени убежден и которые согласуются с основным корпусом его мнений. Таким образом, вопрос «как я могу знать, что мои мнения в общем истинны?» отвечает сам себе, просто потому что мнения в общем истинны по своей природе. В расширенном виде вопрос оказывается таким: «Как я могу знать, являются ли мои мнения, которые по своей природе в общем истинны, в общем истинными?» [2. Р. 153]

Эпистемологический оптимизм относительно познания мира объективно-го мира (оптимизм в субъект-объектном измерении познания) обосновывает, далее, эпистемологический оптимизм относительно понимания другого (оптимизм в интерсубъективном измерении познания): согласно Дэвидсону, в принципе существует возможность успешной интерпретации любой (рациональной) речи просто потому, что интерпретатор располагает необходимым для интерпретации объемом знаний об объективном мире – или может такого рода знания обрести. Существенно здесь то, что: 1) набор мнений о мире всегда допускает расширение; 2) мнения по своей природе «веридикальны», что обеспечивает преимущественную истинность наших знаний; 3) именно истинное знание о мире обеспечивает возможность интерпретации речи другого.

Сказанное можно свести к одной короткой формуле: *проинтерпретировать высказывание — значит установить его каузальные связи с фактами*. Здесь имплицирован главный методический принцип интерпретации, который Дэвидсон, вслед за Н. Уилсоном и Куайном, называет *принципом доверия* (principle of charity¹). Ход интерпретации, придерживающейся этого принципа, Дэвидсон иллюстрирует следующим образом:

...если вы видите плывущий мимо двухмачтовый парусник, а ваш спутник говорит: «Посмотри, какой красивый ял», то вы поставлены перед проблемой интерпретации. Естественное предположить, что ваш друг ошибся, приняв парусник за ял, вследствие чего у него сформировалось ошибочное мнение. Но если у него хорошее зрение и подходящая точка обзора, то более вероятным будет то, что он употребляет слово «ял» не так, как вы его употребляете, и поэтому он вообще не сделал никакой ошибки по поводу наличия выносной бизани на проходящей яхте. Мы постоянно должны стремиться выводить интерпретацию из-под удара, сохраняя разумную теорию мнений. Как философы, мы особенно терпимы к систематической словесной путанице и стремимся к тому, чтобы интерпретация давала результаты. Этот процесс

¹ Немецкий исследователь G. Bertram предлагает для этого термина интересный эквивалент – das Prinzip der Rationalitätsunterstellung — принцип презумптивного приписывания рациональности [3. S. 162]. Едва ли это выражение можно использовать в качестве перевода, но в качестве дефиниции оно представляется вполне точным: в понимании Дэвидсона, “charity” выступает в качестве некоторого отношения интерпретатора к говорящему и состоит в том, что интерпретатор принимает к рассмотрению в первую очередь те интерпретативные гипотезы, которые согласуются с предположением о рациональности говорящего.

заключается в конструировании жизнеспособной теории мнений и значений из предложений, которые считаются истинными. [4. С. 274–275].

Таким образом, когда мы слышим высказывание, которое на первый взгляд кажется нам ложным (т.е. оно было бы ложным, если бы его высказали мы, на нашем языке), то у нас есть две интерпретационные возможности: 1) исходить из семантических конвенций, которые, как нам кажется, говорящий должен разделять, – и приписать ему ложное мнение; 2) исходить из каузальных связей, которые мы наблюдаем, – и на их основе приписать говорящему истинное мнение, тем самым обнаружив своеобразие его словоупотребления. Говоря схематично, мы можем двигаться от *абстрактного* понятия языка к интерпретации некоторого высказывания как *ложного* – или от принятия высказываний собеседника за *истинные* – к *раскрытию* его конкретного языка. Принцип доверия предписывает последнюю возможность: интерпретатор, соблюдающий этот принцип, не предпосылает своей интерпретации семантических конвенций, но исходит из наблюдаемого речевого поведения в конкретных ситуациях, т.е. из определенных предположений относительно каузальных связей между интерпретируемыми высказываниями и наблюдаемыми фактами.

Теперь мы можем сформулировать тезис об унифицирующей направленности теории интерпретации Дэвидсона. Итак, Т-предложение фиксирует условия истинности некоторого высказывания на языке интерпретатора, что означает, что интерпретатор: 1) использует свое знание о мире в качестве семантической основы интерпретируемого высказывания и тем самым 2) переводит язык говорящего на свой собственный язык. В самом деле, интерпретация высказывания агента Х «снег является синим» выглядит следующим образом:

(1) Высказывание Х «снег является синим» истинно тогда и только тогда, когда снег является белым.

При этом интерпретация собственного высказывания «снег является белым» (самоинтерпретация) выглядит так:

(2) Мое высказывание «снег является белым» истинно тогда и только тогда, когда снег является белым.

Как видим, правая часть обоих Т-предложений совпадает, что позволяет рассматривать высказывания «Снег является белым» на языке интерпретатора как перевод высказывания «Снег является синим» на языке говорящего.

Таким образом, *теория интерпретации Дэвидсона превращается в теорию перевода*: язык всякого агента речи, которого мы интерпретируем успешно, эквивалентен нашему языку – именно по той причине, что источником значений, которые интерпретатор приписывает выражениям говорящего, является собственное знание о мире интерпретатора. В конечном счете это делает всякую интерпретацию дословным переводом: приписывая говорящему собственное знание о мире, интерпретатор тем самым устанавливает тождество значений при возможном различии знаков (идиолектов). Унифицирующая функция интерпретации базируется на унификации знания о мире.

Принцип доверия играет ключевую роль в методологии Куайна, и еще более важную роль в моей версии. В обоих случаях этот принцип предписывает интерпретатору переводить или интерпретировать так, чтобы привести

некоторые из собственных критериев истины в паттерн предложений, которые считает истинными говорящий [2. Р. 148].

Этот тезис Дэвидсон иллюстрирует на разнообразных примерах интерпретации через «языковой барьер», таких как интерпретация малапропизмов [5. Р. 93], коммуникация между взрослыми и детьми, только начинающими осваивать язык [6. Р. 115], общение на двух языках [6. Р. 115], радикальная интерпретация [6. Р. 114] и др. Эти примеры показывают, что различие между идиолектами сводится к различию в словоупотреблении – но не в знании о мире. Иначе говоря, для Дэвидсона (при рассмотрении пропозиционального языка) не существует феномена непереводаемости.

Сказанное позволяет рассматривать унифицирующую направленность интерпретации как принципиальную установку теории интерпретации Дэвидсона. На мой взгляд, она имеет позитивную и негативную стороны. Ее позитивная сторона состоит в том, что она позволяет устранить тезис о неопределенности перевода, как он представлен у Куайна, и теоретико-модельный аргумент в пользу онтологической относительности, как он развернут у Куайна и Патнэма. В самом деле, тезисы о неопределенности перевода и об онтологической относительности предполагают различие онтологий и эпистемологических позиций, представляемых интерпретатором и говорящим; думаю, Дэвидсон убедительно показывает, что «принцип доверия», лежащий в основе всякой интерпретации, делает это различие необнаружимым – своего рода «вещью в себе», которую, как сказал бы Витгенштейн, можно «сократить», поскольку для нее нет места в грамматике языка интерпретации (в структуре Т-предложений). С другой стороны, такого рода интерпретативная унификация знаний о мире и языков говорящего и интерпретатора возможна только применительно к пропозициональным языкам, в которых семантика предложения целиком и полностью обусловлена его каузальными связями с фактами. Для непропозициональных языков, т.е. для высказываний в контексте иных «языковых игр» – прагматических, ритуальных, метафорических и т.п. – необходимы иные механизмы интерпретации, раскрывающие непропозициональное содержание. Иначе говоря, для такого рода языков необходимо определенное расширение теории интерпретации, в рамках которого возможна тематизация неэквивалентности языков говорящего и интерпретатора.

Литература

1. Дэвидсон Д. Реальность без референции // Дэвидсон Д. Истина и интерпретация. М.: Праксис, 2003. С. 300–314.
2. Davidson D. A Coherence Theory of Truth and Knowledge // Davidson D. Subjective, Intersubjective, Objective. Philosophical Essays. Vol. 3. Oxford University Press, 2001. P. 137–153.
3. Bertram Georg W. Sprachphilosophie zur Einführung. Hamburg: Junius, 2011.
4. Дэвидсон Д. Об идее концептуальной схемы // Истина и интерпретация. М.: Праксис, 2003. С. 258–277.
5. Davidson D. A Nice Derangement of Epitaphs // Davidson D. Truth, Language, and History. N.Y.: Oxford University Press, 2005. P. 89–107.
6. Davidson D. Subjective, Intersubjective, Objective. Philosophical Essays. Vol. 3. Oxford University Press, 2001. P. 107–121.